

Старшая сестра

Одним из светлых воспоминаний моего детства является моя старшая сестра Рая. Она родилась на 6 лет раньше меня, в 1947 году, и ей пришлось нянчиться с последующими детьми, которых было еще трое: сестра Валя, я и младший брат Саша, которого в детстве все называли Шуркой. Интересно, что все дети рождались через три года, а Рая, Валя и я вообще родились в одном месяце - июле.

Отец наш, Подольский Анатолий Александрович 1914 года рождения, после Великой Отечественной войны, демобилизовавшись из военно-морского флота в декабре 1945 года, приехал на побывку к своим родителям в родную деревню - Подольская Никольского района Вологодской области, да так и остался, поскольку встретил здесь молодую девушку – Павлову Марию Васильевну, которая, выйдя замуж за бравого моряка, тоже стала Подольская.

Рая всегда пользовалась авторитетом в семье: сначала у младших братьев и сестры, а когда подросла, и у родителей тоже. Училась она легко и успешно. Причем по рассказам ее учителей она была шустрой девочкой и могла пошалить, в том числе, и на уроках, но врожденная внимательность помогала ей отвечать на вопросы учителей верно и точно. Ее бывшая учительница Гомзикова Александра Николаевна с улыбкой рассказывала впоследствии, что рассерженные ее неусидчивостью преподаватели задавали ей каверзные вопросы, считая, что она не вникала в тему урока, но Рая успевала пошептать с одноклассниками, написать записку, улыбнуться... и четко раскрыть суть поставленного учителем вопроса.

В нашей деревне у неё была подруга Надя или как ее все называли Надька Петкина. Эту дружбу они пронесли через всю свою жизнь. Я также знал других ее одноклассников из Калининской школы – это Дима Гомзиков и Саша Бутаков из деревни Ковригино.

Летом, в теплые дни, мы много времени проводили на речке. Родители с утра до вечера были на сенокосе, и Рае приходилось приглядывать за младшими детьми. Шурик в детстве был полным ребенком, ему было непросто передвигаться, и сестры таскали на речку его на руках. (Это не помешало ему впоследствии стать стройным парнем).

Плавать деревенские ребяташки учились примерно в то же время, как только начинали ходить: сначала около берега, на самой мели мы имитировали, что плывем, руками касаясь дна и постепенно заходя все глубже, и так самостоятельно учились плавать. Взрослые особенно не инструктировали. Первым важным достижением в плавании для нас являлось - доплыть до Седача. Седач – это очень большой камень, который непонятно каким образом оказался в нашей реке Шарженке и часто мешал движению плота, на котором жители деревни переплывались через реку в то время. Мы доплывали до Седача, сидели на нем, отдыхая, а затем плыли обратно до берега. Река тогда была полноводней, так как чуть ниже по течению у

деревни Нагавицино была сооружена мельница с плотиной. Будучи ребенком, я сопровождал отца, когда он вез на лошади зерно на мельницу, и там вместе с мельником они превращали это зерно в муку. Этот процесс мне казался совершенно фантастическим, таинственным и немного страшным. Абсолютное удивление вызывали у меня каменные жернова, которые были довольно больших размеров, а вид падающей на лопасти мельницы с громким шумом воды пугал меня.

Наша речка, как правило, тихая и спокойная, разливалась весной, и по ней плыли льдины, затем начинался сплав заготовленных зимой бревен, но это вызывало только интерес, а здесь на мельнице она превращалась в настоящий водопад. Когда отец в теплой подсобке на мельнице укладывал меня спать, я долго не засыпал из-за шума падающей воды, а когда просыпался, искал отца по всей мельнице. Она с различными помещениями, лестницами, мешками наполненными зерном и мукой, обсыпанная белой пылью и окруженная грохотом, казалась мне громадным живым существом, и я с превеликой радостью возвращался домой на санях зимой или на телеге летом с мешками заполненными мукой.

Как-то раз я рассказал Рае, что мне нравится ездить с отцом, но я боюсь оставаться на мельницу. Она достала цветные открытки и выбрала из них одну, где была изображена гидроэлектростанция. Долго объясняла мне, что люди перегораживают реки большими плотинами и затем с помощью падающей воды и турбин получают электричество. Электрические лампочки я видел только на картинках, в деревнях тогда использовали керосиновые лампы и поэтому слушал сестру очень внимательно. Годы спустя, будучи студентом-практикантом, я стоял на плотине Братской ГЭС, смотрел на гигантское гидротехническое сооружение и вспоминал простой и наивный рассказ моей сестры, который так взбудоражил моё воображение.

Рос я смышленным мальчиком, сам по газетам, которые отец выписывал домой, выучил буквы, но в дошкольный период моя речь была мало разборчива. Так, однажды на новогоднем утреннике я вышел к елке и рассказал стихотворение. Все аплодировали, а учительница, которая выполняла роль ведущей, сказала: «Хорошо мальчик рассказал, только не знаю на каком языке». Присутствующие взрослые аплодировали мне больше чем другим детям. По причине не разборчивости моей речи для окружающих, меня даже не хотели брать в школу, когда мне исполнилось семь лет.

В начале лета учительница начальной школы Федосья Васильевна ходила по нашей деревне и записывала ребятишек, которые должны были пойти в первый класс. Пришла и в наш дом. Родители с учительницей обсуждали мой «школьный вопрос». Мама сказала: «Может еще годик на улице побегают, а там, глядишь, и говорить лучше станет». Все колебались, я сидел на лавке ни жив, ни мертв. Мне очень хотелось пойти в школу, но я не знал, что лучше сделать: сидеть молча или подбежать к учительнице и попросить ее записать меня в школу. Решающее слово сказала Рая. Она уже перешла в седьмой класс, считалась большой девочкой и имела право

высказываться. Её слова: «Пусть идет в школу и учится вместе с ровесниками, он мальчик сообразительный», произвели должное впечатление на учительницу, и первого сентября я пошел учиться в Подольскую начальную школу в деревне Нагавицино вместе с другими ребятами. Школа называлась Подольской потому, что первоначально находилась в нашей деревне Подольская (кстати была расположена в доме родителей моей мамы), потом была переведена в соседнюю деревню Нагавицино, но название осталось.

Учиться мне нравилось, и уже через несколько месяцев я был одним из лучших учеников в классе. С дикцией тоже все было хорошо. Уже в первом классе, буквально через несколько недель занятий я был лучшим по чтению вслух. Однажды, моя мама шла из Нагавицинского магазина домой с покупками, из окна школы ее увидела Федосья Васильевна, вышла из школы, окликнула маму и долго разговаривала с ней по поводу моих успехов в школе. Придя домой, мама очень взволнованно рассказывала этот эпизод сначала отцу, Рае, соседям. Она явно была рада, что мне разрешили ходить в школу своевременно.

Когда я учился в первом классе, Рая заканчивала седьмой класс Калининской семилетней школы. Вскоре школа стала восьмилетней, но выпуск, в котором училась Рая, был еще семилетним. Уроки я всегда делал самостоятельно и относился к этому очень серьезно. До возвращения сестры из школы почти всегда успевал сделать домашнее задание. Ученики писали тогда ручками с металлическими перьями, которые опускали чуть-чуть в чернильницу. Чернила по перу скользили вниз на кончик пера, и на листке оставались буквы и знаки. Вечером занимались при свете керосиновой лампы. Однажды я случайно опрокинул чернильницу прямо на тетрадь, в которой выполнял задание по арфметике. Большое чернильное пятно разлилось по тетради. Я громко заплакал, домашние подбежали, ахали и охали. Отец вытер стол от чернил, но тетрадь была безвозвратно испорчена. Рая открыла свой портфель, достала новую тетрадку и подала мне. Я тут же успокоился и переписал выполненное задание в новую тетрадь.

В то время деревенские дети с детства помогали родителям делать работу по хозяйству. Летом чистили грядки от сорняков, поливали огурцы и помидоры в парниках, встречали и загоняли во двор корову и овец. Зимой – пилили и кололи дрова, носили их в избу и складывали у печки. И в любое время – надо было наносить из колодца воды в специальные деревянные кадки, прибраться в доме, а иногда и накормить домашний скот.

Кроме того, в субботу нужно было наносить воду в баню, а девочки еще и стирали белье на стиральных досках, а потом полоскали его в речке. Старшие дети следили за младшими, но без ссор между нами не обходилось. Они как-то быстро заканчивались и мы снова были дружны.

Родители любили нас, но иногда были весьма строги. Мама, уже будучи старушкой, вспоминала, что бывали случаи когда Раисе тоже доставалось. Как-то раз Рая не прополосала грядки, и когда родители вернулись с колхозной

работы, мама уже в сумерках заставила Раю прополоть все, что нужно было сделать днем, и сестра до самого вечера полола грядки с луком от сорняков.

Зимними вечерами, когда, наигравшись на улице, (любимым развлечением было катание на санках и лыжах с крутого берега Шарженки), мы, придя домой и поставив валенки на печь сушиться, ужинали, а потом садились всей семьей (кроме мамы – ей было всегда некогда) возле отца и под треск горящих в печке-голланке поленьев (большую русскую печь топили по утрам) слушали сказки. Отец читал вслух очередную главу из толстой, с рисунками книги, которая так и называлась «Русские народные сказки». Отец читал не торопясь, без актерского ударения, но со своей интонацией и явным сопереживанием. И даже когда мы, дети, уже сами умели читать, нам все равно нравилось, как это делает отец.

К слову сказать, несмотря на свое начальное образование (отец закончил четыре класса Калининской школы), Анатолий Александрович блестяще владел словом, был внутренне интеллигентным человеком, любил читать художественные книги и обладал широким кругозором. Сказывалась и его городская жизнь в Мурманске и морские походы в мирное и военное время. Он умел делать любую работу в деревне, но не казался деревенским мужиком. Папа знал много интересных историй, и когда вечерами мужики собирались в доме деда Матвея (дом этот стоял на деревенской площади, а дед Матвей приходился нам дальним родственником), отец по просьбе односельчан часто рассказывал правдивые истории и небылицы внимательным слушателям. Многие из них, как я понял впоследствии, были заимствованы из прочитанных отцом книг. Женщины в это время собирались в другой избе. У них было свое занятие: они пряли на прялках и беседовали о женских делах и заботах. Надо ли говорить, что ребенком я предпочитал мужское общество. Не последнюю роль в этом сыграло то, что я любил слушать интересные истории из уст отца.

Весной 1961 года Рая закончила семилетнюю школу, а я первый класс. В моих глазах она была уже взрослой девушкой, умела красиво одеваться и казалась мне очень серьезной.

В те годы деревенские девушки редко продолжали образование, но все понимали: Рае с ее способностями нужно учиться дальше. Отец отвез ее в город Великий Устюг, где она поступила в сельскохозяйственный техникум на экономическое отделение. Целый год мы не видели свою старшую сестру. Наконец, в начале июня 1962 года, под вечер, когда вся семья сидела за столом и пила чай из самовара, соседская девчонка прокричала с улицы: «К вам Райка едет». (В те годы почему-то среди своих говорили Валька, Надька, Санька, Тонька и т.д.) Валя, я и Шурик, который еще и в школу не ходил, выскочили из-за стола и побежали на встречу к сестре. Рая была одета совсем по-городскому: в юбке, в джемпере, поверх которого была еще кофта, вся в запахах духов, с объемными дорожными сумками в обеих руках и еще с одной сумочкой – дамской, маленькой и изящной. Мы с Валею, подбежав к сестре, обняли ее, а Шурик, отставший от нас, подбежал последним и заплакал. Рая успокоила его, поцеловала, и мы все вместе пошли в дом.

Конечно, мы обрадовались гостинцам, что Раиса привезла нам, неизбалованным городскими сладостями, но еще больше мы были рады снова видеть нашу старшую сестру.

Через несколько дней Рая сказала мне, что ей надо научиться ездить на велосипеде. У нас велосипеда не было, но он был у дяди Васи (один из младших братьев отца), дети которого Тамара и Коля уже могли управлять этой незатейливой техникой. Коля, мой двоюродный брат и одноклассник, был невысокого роста и не мог кататься на велосипеде как взрослый (его ноги не доставали до педалей), но он приспособился и не сидел на сиденье, а, избоченившись, крутил педали с одной стороны велосипеда, то есть рама у него оставалась сбоку. Нужно было еще изловчиться и сохранить равновесие, так как центр тяжести намного смещался. Поскольку мы с Колей были дружны, он предоставил нам велосипед на целый день. Сестра садилась на сиденье, держась за руль, и крутила педали, а я сзади удерживал велосипед от падения, бегом следуя за сестрой и держа велосипед за так называемый багажник. Таким образом, сестра быстро освоила двухколесный транспорт, а заодно научился и я.

Рая могла и умела подурчиться со мной и придумывала разные ситуации. Однажды когда мы были дома одни, она рассказала мне, что из нашего подполья (помещение под полом жилого дома, его еще называли почему-то «погреб») есть замаскированный ход в большую горницу, которая якобы располагается еще глубже, и что в этой горнице находятся всякие интересные вещи. Рая поведала мне, что если я хочу увидеть подземную горницу, то должен спуститься в подполье за ней не сразу, а через несколько минут после того, как спустится она. Сестра по лестнице, ведущей из кухни в погреб, спустилась, затем, немного погодя, туда же направился и я, но Раи там не увидел и никакой потайной двери тоже не нашел, лишь картошка и соленья, какие-то кадушки и корзины были там. Я поднялся наверх, а затем вышла из погреба и сестра. Поскольку я был впечатлительным и доверчивым мальчиком, то, безусловно, поверил в ее рассказ о таинственной комнате и просил показать мне ее, но Рая не соглашалась, и этим лишь подогревала мой интерес. В очередной раз, когда я спустился вслед за сестрой в подполье и обследовал каждый закуток, стараясь найти вход в чудо-горницу, то увидел Раю, которая пряталась в уголке за лестницей. Миф, к моему большому огорчению, был развеян легко и просто.

Лето пролетело очень быстро, и к первому сентября Рая снова поехала в Великий Устюг. Добраться туда из Никольского района было непросто: самолеты из Никольского аэропорта тогда летали только в Вологду и Шарью (рейс Никольск - Великий Устюг был открыт несколько лет спустя), а дороги были ужасными. Можно было добраться на попутках из соседнего районного центра Кич – Городок, но это как повезет. Впоследствии Раиса приезжала и на зимние каникулы. В этом случае в обратный путь отец отвозил ее на лошади через Горку до Красавино, а там Рая ехала на попутных машинах. Не обходилось без приключений, но природная находчивость и приобретенная коммуникабельность сестры позволяла ей благополучно добираться до места.

Уже со второго класса я писал Рае письма. Адрес на конверте на первых моих посланиях дописывал отец, а вскоре я делал это самостоятельно и сам же относил письма на почту в Калинино. Рая регулярно отвечала очередным письмом или почтовой открыткой.

Время в материальном отношении было очень непростое, если не сказать бедное. Как она, юная девушка, прожила вдали от семьи четыре года трудно представить. Родители деньгами помочь могли совсем немного. В 60-е годы сельские труженики, работая в колхозе, практически не получали наличных денег. На так называемые «трудодни» по итогам года колхозникам выдавали зерно, сено, солому и т.д. Чтобы купить что-либо детям или в дом, отец в межсезонье уходил на «шабашку»: мастерил печи в избах, строил дома, а весной, когда начиналось судоходство на реке Юг, разгружал баржи на Иваковской пристани. Но надолго отлучаться было нельзя – колхозная работа требовала немало сил и времени.

Рая получала стипендию, но это были совсем мизерные деньги, а ведь нужно было не только питаться, молодой красивой девушке требовались соответствующие наряды. И здесь помогали домовитость, рукоделие и женская смекалка. Наряды перешивались из старых вещей, к ним добавлялись какие-то атрибуты. Многие умелицы сами шили юбки, платья, вязали платки и кофты, причем не всегда из нового материала. Так или иначе, но наша Рая одевалась уже в то время модно и современно.

В летние каникулы я любил ходить с ней в кино в Калинино. Ребятишки, молодежь и некоторые взрослые из окрестных деревень (Челпаново, Подольская, Нагавицино, Степшинский Починок, Иваково, Ковригино) собирались в сельском Калининском клубе на фильмы, на редкие концерты художественной самодеятельности и просто на деревенские молодежные тусовки (их тогда называли «игрища»). Собираясь в клуб, Рая долго прихорашивалась перед зеркалом. У нее были темные, волнистые, можно даже сказать кудрявые волосы, и она вытворяла с ними что-то невообразимое, делая различные прически. Мама с отцом иногда ворчали, что у нее глубокий вырез на платье. По нынешним временам вырезы были абсолютно скромными, но в глазах родителей, это выглядело не совсем приемлемым. Поздним вечером, вернувшись из клуба, мы с Раей доставали крынку молока из погреба, где оно даже в жаркие летние дни было прохладным, разливали молоко в чашки и пили с хлебом, разговаривая шепотом, чтобы не разбудить родителей.

Летом дети, как правило, спали на «повити» - это место, где хранилось сено. Там на летние дни мама устраивала нам постели. В деревне даже летом хозяйки по утрам топили русские печи – надо было печь хлеб, готовить обеды для семьи и пищу для скота. В такой печи в больших чугунах всегда стояла теплая вода для домашних нужд. В доме могло быть жарко от печи и шумно от рано встающих родителей, которые по утрам, занимаясь домашним хозяйством, громко разговаривали между собой, а на сеновале ничего не мешало и ребятишки могли выспаться. Могли, но часто не высыпались. С малых лет мальчишки управлялись с колхозными лошадьми, и утром нас

будили родители, чтобы мы шли каждый за своей лошадью, запрягали в телегу и ехали на колхозную работу, чаще всего на сенокос или заготовку силоса. Я по природе «жаворонок» и вставал, почти всегда, сразу, как только меня окликали родители. Сложнее было с младшим братом Шуриком: ему часто хотелось по утрам спать, и вставать рано было нелегко. Неоднократно утром, открыв глаза, но, видимо, еще не проснувшись, он перебирал руками одеяло и спрашивал: «Где узда?»

С одной стороны, работа была непростой и нелегкой, с другой стороны, в детстве мы приобрели необходимые навыки управляться не только с лошадьми, но и выполнять многие виды работ наравне со взрослыми: косить сено, копать картошку, заготавливать в лесу дрова (причем делалось это ручной пилой и топором), плотничать и столярничать.

Как-то раз мы с Раей загребали сено на лугу, довольно далеко от деревни, и отпросились у взрослых сходить покупаться на речку. Речка была рядом, но в этом месте она имела очень быстрое течение, а на дне речки было множество камней, которые торчали из воды около нашего берега. Даже стоять в речке было трудно – вода буквально сносила с ног. Тем не менее, мы зашли чуть глубже, искупались, хотя нас сносило по течению и тут Рая, показывая на другой, челпановский берег (от названия деревни, которая расположена на том берегу), сказала мне, что там, на крутом склоне, есть цветная глина, и она сейчас за ней направится. Мне она запретила следовать за ней, и я остался на берегу. Вброд до середины реки, а затем вплавь она переправилась на другой берег, набрала глины и таким же образом вернулась обратно. То, что она принесла и показала, удивило меня, глина была действительно разного цвета. Голубые, фиолетовые, черные, желтые и красные кусочки мягкой мокрой глины, переливалась на солнце, были необыкновенно яркими и как будто разбрасывали вокруг себя блески воды и солнца. Мы взяли их с собой и когда они высохли, я использовал их как цветной мел, рисуя на стене сарая.

Спустя годы я специально в этом месте переходил речку и искал цветную глину, но такого разнообразия так и не отыскал. Может берег скрыл во времени свое изумительное многоцветие и больше не дарил людям загадочную красоту необыкновенной глины.

Рая была фантазеркой и хорошей рассказчицей. Она часто рассказывала мне занимательные истории, которые как бы само собой превращались в познавательные уроки. Например, рассказала, что однажды зимой она шла по улице в Великом Устюге, а навстречу ей шел хорошо одетый, представительного вида молодой мужчина с большим букетом белых хризантем. Поравнявшись с Раей, он поздоровался, хотя они были не знакомы, и Рая впервые его видела, протянул ей букет цветов со словами: «Это Вам». Трудно сказать, была ли эта история с ней на самом деле, но Рае пришлось объяснять мне, что за цветы хризантемы, почему увидеть их зимой в далеком северном городе – это большая редкость, что означает слово «представительный» и, вообще, как надо дарить цветы.

В другой раз она говорила о дедушке, который ходил на лекции в техникум вольным слушателем, вызывал большое уважение профессоров и преподавателей и, в конце концов, даже получил диплом. Естественно, затем Рая объясняла мне кто и как получает звание профессора, что такое «вольный слушатель», почему в техникумах и институтах учатся молодые люди и т.д.

Впоследствии я понял, что таким образом старшая сестра расширяла мой кругозор и развивала любопытство, причем делала это в легкой манере обычного, непринужденного разговора

Приезжая на каникулы, Рая всегда привозила разные, в большинстве своем иллюстрированные журналы, я смотрел их, читал и, естественно, задавал кучу всяких вопросов. Рая отвечала серьезно и никак ребенку, а как обычному собеседнику. Впоследствии, манеру отвечать на детские вопросы подробно, не упрощая тематики, я использовал, общаясь со своими детьми и внуками. Надо сказать, это приносит свои результаты.

В очередные летние каникулы, когда Рая была дома, а я закончил третий или четвертый класс, она попросила меня сходить в Калининскую библиотеку и принести ей «Войну и мир» Льва Толстого. Я объяснил библиотекарше, что книга нужна моей сестре, которая учится в техникуме (библиотекарша была из местных и знала всё население ближайших деревень). Получив четыре тома известного произведения великого классика в мягких обложках серо-сиреневого цвета, я принес их сестре. Уже в то время меня не устраивали детские книжки в нашей школьной библиотеке, и я брал для чтения хрестоматии по литературе у моего старшего друга Володи Лужинского (он был старше меня на 4 года). В нашей школьной и Калининской сельской библиотеках книги выдавали согласно возрастному цензу, смотря в каком классе учился школьник, ему полагалось читать и соответствующие книги. Книги для старшего школьного возраста детям начальной школы, конечно, не выдавали. Поэтому, как только Рая закончила читать первый том «Война и мир», его начал читать я, затем последовал второй том. Но сестра прочитала всё произведение быстрее, чем я закончил чтение второго тома, и поскольку ей нужно было брать и другие книги (наверное, было задание на летние каникулы), она отнесла «Войну и мир» в библиотеку. Но мне очень хотелось прочитать роман до конца, и когда сестра вновь уехала в Устюг, я пошел в библиотеку и попросил «Войну и мир». Библиотекарша наотрез отказалась выдать роман, предлагая детские книжки, но оказалось, что почти все они мною прочитаны и, вообще, детская литература меня уже не интересует. Тогда библиотекарша компромиссно разрешила мне взять «Цусима» Новикова-Прибоя.

А к великому роману Льва Толстого я вернулся много позднее, в 9 классе, когда мы сами изучали его по программе литературы в Аргуновской средней школе. Причем книг в школьной библиотеке на всех не хватало, и мы вечерами в школьном интернате собирались на втором этаже, в комнате девочек (там было теплее), и я, сидя за столом, читал вслух «Войну и мир». Остальные одноклассники располагались кто где: на кроватях, тумбочках, стульях. Наверное, поэтому у меня к этому известному произведению особое

отношение, и сочинения на выпускном экзамене в школе и на вступительном экзамене в институте я писал на темы этого замечательного романа.

На старших курсах техникума Раисе необходимо было пройти производственную практику, и ей удалось договориться с руководством техникума, чтобы она проходила ее в Вахневе, это всего в 10 км от нашей деревни. Как раз в это время вахневская молодежь подготовила концерт художественной самодеятельности с которым и выступила в Калининском клубе. Раиса тоже принимала участие в концерте. Ее номер, танец «цыганочка» был заключительным. Под звуки соответствующей музыки Раиса выбежала на сцену в длинной цветной широкой юбке, блузка ее была увешана ожерельями из монет, которые беспрерывно звенели. Рая танцевала легко и непринужденно. Мы с сестрой Валею присутствовали в зале. Я даже не подозревал, что наша Рая умеет так танцевать. Публика была очарована. Переполненный зал аплодисментами и криками вызывал артистку на бис. Сестра выбежала еще раз и танцевала дополнительно несколько минут на радость зрителям. Некоторые местные ребята и девчонки даже не узнали в «цыганочке» бывшую деревенскую девчушку Раю.

Весной 1965 года, наша семья переехала в Казахстан. Мы поехали, как говорили в то время, «на целину». Это было в конце марта во время весенних каникул. Рая заканчивала 4 курс техникума и, естественно, осталась в Устюге. Родители, сестра Валя, тогда семиклассница, я – пятиклассник и брат Шурик, ученик 2 класса, прибыли в совхоз Астраханский Астраханского района Целиноградской области. Родители наши были люди работающие, быстро себя зарекомендовали на работе, и вскоре нам дали квартиру в одноэтажном доме. В нашем распоряжении было две просторные комнаты, коридор, кладовка с отдельным из коридора входом, а во дворе сарай и хлев для домашних животных. Отец с мамой сразу же завели корову, поросят, гусей – всё, что было принято иметь в хороших семьях зерносовхоза.

Родители неплохо, по тем временам, стали зарабатывать, и вскоре наша семья ничем не отличалась от других переселенцев приехавших «на целину» раньше нас со всех концов Советского Союза. В поселке жили и работали представители многих национальностей: русские, казахи, украинцы, армяне. Были выходцы из Северного Кавказа и Сибири, жители крупных городов, прибывшие в поисках романтики, и сельские жители из разных деревень и сел России, надеявшиеся заработать на целинных землях. Не было не только национальной вражды, а даже каких-либо разногласий и недоразумений на этой почве. На весь большой поселок и находившихся вокруг него коренных казахских поселений был всего один милиционер.

В школе были развиты многие виды спорта. Мы с удовольствием занимались в спортзале, играли в волейбол, баскетбол, а на стадионе в футбол. Зимой бегали на лыжах. Именно в Казахстане была заложена основа моего спортивного развития, и здесь на долгие годы я приобщился к спортивным играм, а в футбол вообще играл более пятидесяти лет. Рядом с поселком был пруд, где мы с удовольствием купались и загорали.

Я также продолжал писать письма Рае. Она закончила техникум и работала старшим экономистом райфинотдела в городе Великий Устюг. После окончания шестого класса родители отпустили меня на побывку в деревню. В Вологодскую область я ехал вместе с попутчиком, взрослым парнем Сашей из Челпаново, который тоже приехал в целинные земли на заработки. На автобусе до Астраханки, затем до Целинограда, на поезде до Шарьи с пересадкой в Свердловске, далее самолетом от Шарьи до Никольска и на автобусе до Калинино – таков был наш маршрут.

Пробыв в деревне у бабушки несколько дней, я сразу же написал письмо Рае, а когда получил ответ, в котором она приглашала меня приехать в Устюг, быстро собрался к ней. Рая жила на частной квартире в чистой и хорошо обставленной комнате. Я пробыл у сестры несколько дней. Днем она работала, а вечером мы вместе гуляли по городу, ходили на стадион (она бегала, а я играл с более взрослыми ребятами в футбол), иногда ходили в кино. В те годы в нашей большой стране были свои преимущества. Когда у меня заболел зуб, и подруга Раи отвела меня к врачу (сама сестра была в это время на работе), то доктор в поликлинике не спрашивал никаких документов типа полюсов, прописки и т.д., он просто в течение двух дней вылечил мой зуб, разумеется, бесплатно.

Уже тогда Рая более конкретно занялась моим эстетическим воспитанием. Например, случайно встретив на улице знакомого парня, она разговаривала с ним (я стоял рядом), а затем объясняла мне, что модного в его одежде, соответствует ли галстук его рубашке или пиджаку и т.д. Она детально объясняла, какие цвета в мужской или женской одежде подходят друг другу, какие нет. Мне много было знакомо из книг, но подробные объяснения о классической красоте, правильных и неправильных чертах лица, о соответствии стиля одежды месту и времени я услышал именно от сестры. Много лет спустя, неоднократно участвуя в качестве члена жюри в различных конкурсах красоты, я не забывал об уроках моей старшей сестры, и моя эрудиция в этом направлении начала развиваться именно благодаря Рае. Даже во время просмотра фильмов она успевала шепнуть мне на ухо о чертах лиц актеров и актрис: греческий профиль, открытый взгляд, пропорциональность телосложения, а когда шли домой из кино, рассказывала о чудесах грима и косметики, сочетании манер и интонации голоса.

Несколько дней у сестры пролетели быстро. Мы договорились, что через две недели я снова приеду к ней (тогда из Никольска до Великого Устюга уже регулярно ходили автобусы), и мы вместе поедem к родителям в Целиноградскую область. Мне трудно сказать, что случилось, но Раиса уехала, не дождавшись меня. В назначенный день, приехав в Устюг, я узнал, что сестра уже в Казахстане. Это расстроило меня, я даже заплакал от обиды, но соседка по квартире успокоила меня, проводила до автостанции и в тот же день я вернулся в деревню.

Через несколько дней, уже один, я возвращался к родителям. Из Никольска до Шарьи летали самолеты АИ-2. Билет в кассе мне дали на основании свидетельства о рождении. На тот момент мне исполнилось 13

лет, и билеты на самолет и поезда мне давали без особых проблем. В целом, до места назначения я добрался вполне удачно.

Это было мое первое самостоятельное путешествие в череде многих поездок по стране, которые мне еще предстояли. Люди в нашей стране в то время были доброжелательны и открыты, можно было рассчитывать на помощь абсолютно незнакомых мужчин и женщин, взрослых и детей. Чтобы не говорили, но в 60-е годы в стране было гражданское общество, основой которого были патриотизм, порядочность и гражданский долг. Это сейчас эти слова звучат высокопарно и даже иронично, а тогда это было реальностью нашей жизни. Не было социального разделения, вражды, зависти. Одним из основных критериев поведения людей являлось отношение окружающих. Было очень важно, какое мнение о тебе и твоих близких имеют соседи, знакомые, коллеги, односельчане и т.д.

По приезду в целинный поселок Рая устроилась на работу экономистом в совхозную машинотракторную станцию. Это было большое здание, недалеко от нашей улицы, где водители, трактористы, слесари и механики обслуживали и ремонтировали различную сельскохозяйственную технику, а высоко, почти под самой крышей, располагалось помещение для инженерно-технических работников. Две стены этой большой комнаты, где за канцелярскими столами сидели конторские служащие, были практически полностью стеклянными, и из неё, так называемой конторы МТС, можно было видеть всё, что происходит в производственном цехе. Подниматься к инженерно-техническим работникам нужно было по крутой лестнице. Рая не разрешала мне часто приходить на работу, а вскоре ее, как перспективного специалиста, перевели в центральную контору совхоза, куда, в общем-то, дети и не заходили.

Рае на тот момент было девятнадцать лет, Вале шестнадцать, они были очень видными девушками, и многие совхозные парни мечтали познакомиться с ними. Отчасти поэтому я пользовался у взрослых парней определенными привилегиями. Так, например, меня могли допустить на волейбольную площадку играть вместе со взрослыми, могли проводить до дома, если уже было темно или помочь пройти вечером в клуб, на взрослый фильм.

Рая активно участвовала в общественной жизни, была всегда на виду. Яркая, с густыми темными волосами она привлекала к себя внимание, но умела дипломатично успокоить чересчур навязчивых кавалеров. Был один случай, когда ее коммуникабельность и даже строгость моих родителей не принесли успеха в разговоре с одним из претендентов на руку и сердце сестры. Это был очень высокий парень, который не совсем трезвый пришел к нашему дому и сначала просил, а потом требовал, чтобы Рая вышла к нему для серьезного разговора. Сестра не хотела видеть ухажера в таком виде и отказалась выйти, но тот не уходил. Наш отец тоже пытался объяснить сначала доброжелательно, а потом строго, что сегодня разговора не будет, но молодой человек стоял на своем и зашел уже в коридор. Тогда мама, которая как раз вышла из подсобных помещений, где ухаживала за домашним

скотом, видя безуспешность всех мер, сняла свои калоши, которые были в навозе, и стала хлестать ими парня. Надо отдать должное: тот не сказал даже грубого слова. Остается только добавить, что и в последующем все ухаживания этого молодого человека не были приняты, но тот забавный случай мама часто вспоминала со смехом в кругу нашей семьи.

Когда я закончил семь классов, родители решили вернуться обратно - в свою родную деревню. Инициатором была мама, она скучала по родным местам и деревенским подругам. И хотя родители неплохо зарабатывали в совхозе, а я уговаривал их дать мне возможность закончить восемь классов без переезда, решение было принято, и мы вернулись в деревню Подольская Вологодской области. Рая тоже уехала из поселка, но не с нами, а в небольшой город Мичуринск. Наше общение снова стало происходить через письма: я писал сестре подробно и обстоятельно, она зачастую отвечала кратко.

Вернувшись в деревню, мы прожили год в нашем старом доме, который родители построили давно, когда только поженились. Прошло более 20 лет и им хотелось иметь более удобный и просторный дом. Бабушка по отцовской линии Аксинья Ивановна предлагала жить в ее доме. Он, единственный, был оставлен при раскулачивании большой семье моего деда. Был еще вариант - переселиться в большой пятистенок, что стоит на берегу Шарженки. В этом старинном, но все еще крепком доме родилась наша мама, провела там детство и юность, а когда вышла замуж, а ее братья Павел, Володя, Юра и сестра Нила уехали в Мурманск, в доме никто не жил. Однако, перебрав все варианты, родители решили строить новый дом. Отец самостоятельно изготовил чертеж будущего жилья и мы стали заготавливать бревна для строительства. В те годы в лесных массивах, что были рядом с деревней, подыскать подходящие деревья для сруба не было проблемой. Край Северных Увалов – это территория лесов и чистых речек. Когда лесоматериал был привезен, а затем изготовлен сруб, мы временно переехали в дом брата отца - Василия Александровича. К тому времени дядя Вася переселился в Никольск, дети уехали, и дом его пустовал. Мы разобрали на дрова наш старый дом и заложили фундамент под новое строительство, которое окончательно было закончено, когда я уже учился в институте.

Тем временем у Раисы изменилась личная жизнь. Она познакомилась с офицером – Митиным Александром, родом из Кич-Городецкого района, проходившим службу в Йошкар-Оле, в городе о котором я никогда не слышал, несмотря на то, что интересовался географией и неплохо ее знал. Единственное упоминание о столице Марийской АССР я прочел в газете, где сообщалось, что Марийский лесотехнический институт в городе Йошкар-Ола переименован в Марийский политехнический институт им.Горького.

Зимой, когда я учился в 8 классе, Раиса приехала к нам вместе с мужем в гости и сообщила, что они будут жить в Йошкар-Оле. Не знаю почему, но мне и моей сестре Вале Митин не понравился сразу. Он был лысоватым, спортивного телосложения, обходительным с окружающими, но было в нем

нечто такое, что сдерживало от общения с ним. Похоже, он это почувствовал и в друзья не набивался.

В этот период письма от Раи стали приходить реже, но она не забывала отчий дом, и на следующий год приехала снова к нам в гости уже с дочкой, маленькой Марианной, которая родилась 31 мая 1968 года. Чаше мы стали переписываться, когда я после окончания Аргуновской средней школы поступил в Мурманский педагогический институт на физико-математический факультет. Хотя я получал стипендию, и родители регулярно высылали мне немного денег, их в студенческой жизни всегда не хватало. Рая сама была студенткой в трудные 60-е годы и знала, что значит для молодого человека, живущего вдали от родного дома, материальная помощь. Поэтому в силу возможности она иногда высылала мне по 20 рублей. Для меня тогда это была существенная помощь.

После первого семестра, зимой 1971 года, мы с однокурсником Аликом Драгулиным (он был еще и мой земляк – из города Сокол Вологодской области) летели самолетом в Вологду с пересадкой в Ленинграде. У нас было совсем немного времени в городе на Неве, (прилетели мы ближе к вечеру, а уже утренним самолетом отправлялись в Вологду), тем не менее, вечером мы, впервые приехавшие в северную столицу, погуляли по городу и переночевали у моей двоюродной сестры Тамары, которая работала в швейном ателье и проживала с подругой в общежитии квартирного типа. (Стоит сказать, что Тамара и сейчас живет в Санкт-Петербурге, а для её взрослых детей и внуков наша Северная Венеция – это родной город.) Утром Тамара проводила нас до аэропорта, и через пару часов мы были в Вологде. Алик сразу отправился на автовокзал чтобы ехать на автобусе в Сокол, а я пошел в здание аэропорта. К моему удивлению и великой радости, я встретил там Раю, которая вместе с маленькой Марианной (ей было 2,5 года) тоже ехала к родителям. В те годы попасть из Вологды в Никольск можно было только самолетом. Из областного центра во многие районы области было налажено авиасообщение, но полеты в Никольск – это нечто особенное. Свободных билетов до Никольска никогда не было. Люди записывались в списки, которые передавали в кассу, а сами толпились у кассового окошечка в ожидании продажи билетов. В этот раз было вообще нечто невообразимое: пассажиры в Никольск не могли улететь по несколько дней, так много было желающих попасть в этот небольшой город на Северных Увалах. Рае, поскольку она была с маленьким ребенком, на другой день, вне очереди, продали билет на Кич-Городок (от Кич-Городка до Никольска всего 40 км), поскольку на Никольск даже пассажирам с маленькими детьми билеты достать было невозможно. Однако я должен был остаться в аэропорту на неопределенное время, поскольку не имел никаких льгот, а впереди меня, по записи, было громадное количество пассажиров. Рая решительно направилась в кабинет начальника аэропорта и потребовала еще один билет на меня: «Без брата не полечу, а если откажете, посажу Вам на стол ребенка, и водитесь с ним сами, пока у брата не будет билета». Начальник аэропорта привык к крикам, истерикам, требованиям, но

однозначность слов сестры и ее уверенный тон подействовали. Раисе тут же выдали билет на меня, и мы улетели в Кич-Городок, а оттуда на автобусе с пересадкой в Никольске наконец добрались до дома, к чрезвычайной радости наших родителей.

Закончив первый курс института, я во время летних каникул не сразу поехал домой, а по приглашению старшей сестры отправился в Йошкар-Олу поездом через Москву. В Москве я всегда останавливался у своего дяди Алексея Александровича Подольского, который закончил факультет физической культуры и спорта Архангельского пединститута, работал на кафедре физвоспитания Московского института Стали и Сплавов. Его двухкомнатная кооперативная квартира на седьмом этаже Профсоюзной улицы была моим пристанищем в поездках через Москву многие годы, вплоть до того момента, когда моя дочка Катя переехала в Москву, вышла замуж и приобрела собственное жилье. Останавливался у Алексея Александровича не только я, но и многие другие наши родственники, которые по тем или иным причинам ездили в нашу столицу. Поезд Москва - Йошкар-Ола после станции Зеленый Дол шел очень медленно, останавливался на всех маленьких станциях: Илеть, Шалангер, Суслонгер, Сурок, Куяр. В томительном ожидании я смотрел в окно. Наконец наш очень «нескорый» поезд прибыл в Йошкар-Олу. Сестра заранее предупредила меня, что не сможет встретить и сказала, где будет находиться ключ от квартиры, а также объяснила как доехать от вокзала до Дубков, (так называется и сейчас район города где проживали преимущественно семьи военнослужащих) и где она жила с Марианной. Митин в это время находился на поселении в Нижегородской области. За превышение должностных полномочий и незаконное занятие предпринимательской деятельностью с использованием техники воинской части и привлечением личного состава он был осужден и направлен на принудительные работы. Рая работала недалеко от своего дома в организации, расположенной тоже в Дубках, и я, приехав, оставил вещи в квартире, пошел к Рае на работу. Вечером мы взяли Марианну из садика, ужинали, пили чай, обмениваясь новостями и впечатлениями.

На другой день я поехал в центр города, знакомиться со столицей Марий Эл. Был июнь 1971 года, Йошкар-Ола утопала в зеленых деревьях и кустарниках, везде был аромат цветов и естественная свежесть от бесчисленного количества пышных веток, которые прикрывали тротуары от солнечного зноя. Прибывший из заполярного круга, я был поражен этим зеленым великолепием. Вечером сестра предложила мне перевестись из Мурманского пединститута в Марийский политехнический институт. Сказала, что разводится с Митиным, возможно, уедет в Оренбург, поэтому на время учебы я могу жить в ее квартире. Утром я поехал в политех на площадь Ленина и, пообщавшись со студентами и встретившись с деканами разных факультетов, сделал свой выбор на инженерно-экономическом факультете. Мне было вручено официальное письмо за подписью декана факультета в адрес ректора Мурманского пединститута с просьбой оформить

все необходимые документы для перевода в Марийский политехнический институт.

Выйдя из института я шел по проспекту Гагарина в сторону фонтана и был полон впечатлений. Мне все нравилось: парки, скверы, фонтаны, здания и люди. Город мне казался очень красивым, современным, и я был рад, что буду здесь жить и учиться.

Всё так и получилось. Я съездил в деревню к родителям, а в августе оформил в Мурманске документы по переводу на второй курс МПИ им. Горького (ректор поворчал, но всё что нужно сделал). Соответствующий приказ был подписан, и к началу учебного года я прибыл в столицу Марийской автономной республики.

В сентябре вместе со всеми студентами второго курса, меня на месяц направили в дальний район республики на работу в сельхозпредприятие, как это тогда было принято, но сестра договорилась в деканате, чтобы меня не посылали «на картошку». За это время я смог подготовиться для сдачи экзаменов и зачетов по предметам, которые не изучались на первом курсе пединститута. Это химия, начертательная геометрия, немецкий язык, черчение, философия, научный атеизм и т.д. Трудности были с немецким, но я все же сумел сдать и этот предмет, иначе не смог бы получать стипендию, а это было очень важным для меня фактором.

Осень 1971 года – прекрасный период, когда мы жили вместе с сестрой. Утром она уходила на работу, а я отводил Марианну в садик и занимался сначала дома, а когда мой курс вернулся из трудового семестра, уже ездил в институт на лекции и практические занятия.

В эти дни я познакомился с местными ребятами, мы с удовольствием играли в настольный теннис, проводили вместе свободное время во дворе или шли на «Улыбку», так называлось известная на весь город танцплощадка за кинотеатром «Мир».

Однажды Рая купила мне билет на концерт ВИА Мари, который проходил в летнем театре парка культуры и отдыха. Яркие костюмы, громкий звук стереофонических колонок, лирические мелодии в исполнении молодых музыкантов очаровали меня. Тогда ВИА Мари был на пике своей популярности, музыкальный коллектив постоянно гастролировал по стране и в республике Марий Эл концерты давал не часто. Это был тот редкий случай, когда жители Йошкар-Олы могли встретиться со своими музыкальными кумирами.

В сентябре приезжал Митин, но его попытки помириться с женой не увенчались успехом. Рая твердо решила разводиться и готовилась к переезду в Оренбург.

Этой же осенью я провожал Раю и Марианну. Они уезжали на поезде через Казань в далекий, как мне казалось, город Оренбург. Из вещей она взяла с собой только одежду, в основном для Марианны. Когда они сели в поезд, и Рая смотрела на меня через окно вагона, я вдруг заметил - какие в этот момент у нее были грустные глаза. Это была даже не грусть, а скорее

печаль. Но выбор был сделан. Что ждет ее на новом, незнакомом месте? С тяжелым сердцем я возвращался домой с вокзала.

Хотя сестра и прописала меня на весь период учебы в своей квартире, но прожил я в ней только до июня 1972 года. Рая в Оренбурге вышла замуж за Климентьева Александра Александровича, или как его называли Сан Саныча. После окончания института с военной кафедрой он проходил воинскую службу в Йошкар-Оле (в офицерском звании) и познакомился здесь с Раисой. В Оренбурге они получили трехкомнатную квартиру, и Раиса время от времени в наших телефонных разговорах, которые проходили с переговорного пункта почтамта, просила меня сдать квартиру в Йошкар-Оле, в противном случае, ее не прописывали в Оренбурге. Когда я закончил второй курс, летом 1972 года, то выписался из квартиры в Дубках, в которой мы с однокурсниками и однокурсницами не часто, но регулярно устраивали веселые студенческие вечеринки, иногда шумные и бесшабашные, но такие приятные в наших воспоминаниях.

После того, как я освободил квартиру и сдал ее как положено домоуправлению, от Раи пришло письмо, в котором она писала: «Толя, с пропиской все устроилось, в квартире можешь жить до конца учебы, а там будет видно». Письмо это, к великому моему сожалению, опоздало на несколько дней. Квартира была сдана, а мебель и вещи, как и просила сестра, я выслал железнодорожным контейнером Митину. Рая ничем не хотела ему быть обязанной.

С третьего курса я проживал в общежитии института, где сначала, после отдельного жилья со всеми удобствами, было непросто, а потом я привык и снова вернулся к обычной студенческой жизни.

Рая не забывала обо мне и по возможности помогала брату-студенту. Я учился хорошо, получал повышенную стипендию, к тому же родители тоже присылали денежные переводы. Этого было достаточно, чтобы одеться и питаться, а для развлечений мы, ребята, которые не боялись физической работы, подрабатывали на выгрузке вагонов или на другой подвернувшейся «шабашке».

На ноябрьские праздники осенью 1972 года я самолетом из Казани прибыл на побывку к сестре в Оренбург. В это время она не работала, была в декретном отпуске – у них родился маленький Алеша Климентьев. Оренбург тогда был обычным областным центром со всеми атрибутами региональной столицы. Там я познакомился и подружился с музыкантами ВИА Дуслык (в переводе с татарского – Дружба). Этот казанский ансамбль был на гастролях в Оренбурге. Открытые, компанейские парни музыкального коллектива имели достаточно свободного времени. Мы гуляли по городу, сидели с бесконечными разговорами у них в номерах в гостинице «Оренбург» и зажигали в одноименном ресторане. На память они мне подарили фотографию с полным составом ВИА, с дарственной надписью и автографами всех членов ансамбля. Она до сих пор сохранилась у меня.

Студенческие годы пролетели быстро, затем были Братск и Тайшет, где я начинал трудовую деятельность, армейская служба в Забайкалье, после которой я вернулся в Йошкар-Олу.

За это время в Оренбург уехала и моя другая сестра Валя, а также мой двоюродный брат Коля Подольский. С Колей это случилось так: однажды Рая с детьми приехала летом в деревню к родителям. В это время Николай, закончив строительный техникум в городе Буй, работал в Никольском районе мастером в строительной бригаде без каких-либо перспектив. Рая предложила ему ехать с ней в Оренбург, что и было осуществлено. С легкой руки моей сестры Николай сделал неплохую карьеру в строительной сфере, а затем после перестройки, ещё более успешную в строительном бизнесе и теперь возглавляет собственную фирму «Оренбургспецстрой-10», в которой только строительной и дорожной техники насчитывается около пятидесяти единиц. Современная база, расположенная в черте города, производит впечатление рациональной планировкой. В последние годы, приезжая в Оренбург, я всегда останавливаюсь у брата, который кроме своего дома построил еще два особняка для своих сыновей Александра и Алексея Подольских.

Надо сказать, что Рая умела и могла помогать другим людям. Она работала в системе Управления внутренних дел Оренбурга. Ее очень ценило руководство, и когда нужно было решить важные вопросы в центральном аппарате министерства, в Москву направляли именно ее. Алексей Александрович (наш дядя, проживавший в Москве) вспоминал позднее, что когда Рая приезжала в столицу и, как правило, останавливалась у него, сразу начинались телефонные звонки, разговоры, хлопоты и деловые встречи. Молодая, красивая, эрудированная женщина производила приятное впечатление человека, который прекрасно знает предмет разговора, и умела выстроить беседу таким образом, что необходимый для нее результат чаще всего достигался без видимых усилий. Как экономист с широкими, разносторонними познаниями, она была на высоте в кабинетах начальства, а как интересная, обаятельная женщина, всегда в центре внимания на праздниках и вечеринках. Когда она приезжала к родителям на родину, то старалась встретиться со всеми своими школьными подругами. Ее наряды всегда были к лицу и соответствовали моде того времени, что нередко вызывало пересуды и сплетни в женской среде, но обаятельность и доброжелательность сестры брали верх и, несмотря на присущую часто зависть окружающих, ее всегда принимали тепло и радушно.

Марианна ходила в школу, Алеша в детский садик, Рая с мужем имели хорошую работу, друзья и родные всегда были рады общению с ними. Что еще нужно для счастья? Но судьба приготовила для всех нас жестокое испытание.

В конце 70-х годов у Раисы признали болезнь с пугающим диагнозом – рак. Мне сказали об этом не сразу. В 1978 году я звонил Рае с работы в Москву в госпиталь, где она проходила обследование и лечение, и сестра неожиданно сказала, чтобы я не забывал о ее детях. Я начинал догадываться,

что у Раисы обнаружили что-то ужасное, и спросил: «Все так серьезно?» «Да», - ответила Рая, - «Поэтому я тебя прошу отнестись к моим словам с полным пониманием».

Осенью 1979 года я вылетел в Оренбург. Там уже была наша мама. Мне самому требовалась операция (был сначала острый, а затем хронический абцесс верхней доли правого легкого), и мама настояла, чтобы операцию делали в Оренбурге. Когда я прилетел, Рая была снова в Московском госпитале. Положили меня в Оренбургскую областную больницу, в которой впоследствии успешно прооперировали. На всю жизнь я сохранил добрые воспоминания о тех врачах и медсестрах, которые лечили и ухаживали с душой и искренней заботой. Там, кстати, я встретил и свою будущую жену Лидию Ивановну, в девичестве Гусеву, где она как студентка 5 курса медицинского института проходила в клинике лечебную практику.

Когда Раю привезли домой в Оренбург из Московского госпиталя, вся семья, друзья и коллеги знали о ее безнадежном состоянии. Сестра Валя предложила ей: «Толя может на несколько дней выписаться из больницы, чтобы увидеть тебя», но Рая ответила: «Нет, не надо. Пусть он меня запомнит такой, какой знал. Не хочу, чтобы он меня видел такой больной».

19 февраля 1980 года Рая умерла. Ей было всего 33 года. Перед смертью она написала письма, адресованные Марианне и Алеше. Похоронили ее там, где она просила: на кладбище у деревни Неженка, недалеко от трассы в Оренбургский аэропорт. Врачи отпустили меня из больницы на похороны.

После похорон в семье произошла череда драматических событий. Маме, оставшейся некоторое время в Оренбурге, пожаловалась Марианна, тогда ученица шестого класса, на поведение ее отчима. Мама приняла решение: забрать внучку и увезти в деревню. Это была почти детективная история. Надо было увезти девочку таким образом, чтобы Климентьев ничего не заподозрил до самого отлета самолета. В этой истории участвовали, кроме мамы, сестра Валя, соседи Раи по квартире и учительница Марианны. О том, что Марианну срочно и тайно вывезли из Оренбурга, мне по телефону рассказал Климентьев, позвонивший в тот же день поздно вечером мне в больницу.

Марианна заканчивала шестой класс уже в Калининской восьмилетней школе и жила у бабушки с дедушкой в деревне Подольская. В июне месяце после успешного лечения я тоже приехал к родителям. Мы долго обсуждали: как поступить с Марианной дальше. Возвращать Климентьеву было нельзя, хотя он очень просил меня об этом. Конечно, Марианне можно было жить и дальше у бабушки с дедушкой, но у них уже жила с малых лет одна внучка - Люда (дочка Вали), которая, кстати, до окончания десяти классов в Теребаевской средней школе воспитывалась дедушкой и бабушкой.

Мы вспомнили о Митине, родном отце Марианны, который жил со своей новой семьей в Лысково Горьковской области. Я написал ему письмо о том, что хотелось бы обсудить ситуацию сложившуюся вокруг Марианны. Митин неожиданно сразу приехал и предложил, чтобы Марианна жила в его семье. Надеюсь, что в материальном плане девочке будет лучше жить с родным

отцом, мы согласились, поставив условие, что он будет привозить Марианну, по крайней мере, на летние каникулы в деревню - к бабушке и дедушке. К сожалению, о своих обещаниях Митин благополучно забыл, и Марианна вновь посетила деревню Подольская спустя годы, уже будучи взрослой, со своим мужем, только мой отец, ее дедушка, не дожил до этого дня. Сейчас Марианна живет в Подмосковье в большом просторном особняке вместе с мужем и детьми, которых у них трое, и я думаю, ее мать, моя сестра Рая, была бы за нее рада.

По-другому сложилась жизнь ее брата Алеши Климентьева. В 16 лет он ушел от отца, который жил с новой семьей. Мы с женой не потеряли связи с Оренбургом и, несмотря на то, что живем в Йошкар-Оле, за тысячу километров от Оренбурга, регулярно навещали и навещаем родственников Лиды в Оренбурге. Кроме того, как я уже отмечал, там живет со своей семьей мой двоюродный брат – Подольский Николай Васильевич.

В один из приездов я отыскал Алешу Климентьева. Он профессионально занимался спортом, проживал у друзей. Я рассказал о его матери, которую он помнил очень смутно и вообще о нашей семье. Для него все было откровением. Через несколько лет он погиб в автомобильной аварии, было ему всего 19 лет. Я не забыл слов сестры о ее детях и стараюсь поддерживать отношения с Марианной и бывать на могиле Алеши на Оренбургском кладбище.

Рая для нашей семьи навсегда осталась звездочкой, которая так ярко горела и так неожиданно погасла.

Даже после своей смерти она помогала мне. Когда меня готовили к операции, накануне мне приснился фантастический и одновременно пророческий сон: мы с Раей оказались в большом подземелье, под нашей родной деревней. Вокруг ходили знакомые, но уже умершие люди. Там не было совсем темно, но сумрак и холод окружал нас. Я сказал сестре, что хочу домой. Она подвела меня к лестнице, ведущей наверх, где был виден кусочек неба через отверстие, в котором проходила лестница. «Поднимайся», - сказала сестра. «А ты?» - спросил я её. «Я останусь здесь», - ответила Раиса, и я полез наверх, где был солнечный свет. Я вышел из подземелья на берегу реки и побежал к нашему дому. Проснувшись, я сразу понял смысл этого сна. Мне предстояло жить в нашем мире, Рая оставалась в мире другом, может быть несуществующем.

Мы никогда не забывали Раису. Мама часто рассказывала, что в свой последний приезд в деревню, когда Рая уже знала свой смертельный диагноз, она, проведя с родителями несколько дней, стала собираться уезжать. В день отъезда она зашла в каждый дом в нашей деревне и попрощалась со всеми жителями.

Спустя несколько лет мама попросила меня привезти с могилы Раисы горсть земли. Я выполнил ее просьбу, и мама положила землю с могилы Раисы на кладбище около Старогеоргиевской церкви рядом с могилой своей мамы, моей бабушки Ульяны, и старалась как можно чаще бывать на кладбище.

В нашей квартире в Йошкар-Оле висит портрет Раисы. Это непросто память о старшей сестре. По нему я сверяю свои важные шаги и поступки в жизни. Мысленно пытаюсь представить какой была бы реакция сестры на те или иные события, и стараюсь быть достойным ее слов, которые она сказала за несколько дней до смерти: «Толя - хороший парень».

Теперь у меня самого взрослые дети и подрастающие внуки. Другое время, другие условия, но есть черты, которые я стараюсь сохранить в нашей семье - это открытость, доброжелательность, интеллектуальность и чувство собственного достоинства.

Всегда много друзей и знакомых по выходным, в праздники, а иногда и в обычные дни в квартире моей дочки Кати в Москве. К ней, общительной, искренне сопереживающей за проблемы знакомых и близких, приезжают и звонят не только из Москвы, но и из других городов. Кате, единственной из наших детей, передались гены на вьющиеся волосы, что любила подчеркивать наша мама, обладательница в юности роскошных кудрявых волос. Катя – это бриллиант нашей семьи, который не только светит, но и внутренне согревает нас.

Старший сын Александр, с юности самостоятельный и всегда реально оценивающий жизненные ситуации, сохраняет в своих чертах признаки сходства с нашими предками по мужской линии.

Младший сын Игорь, пытливый, эрудированный и целеустремленный, имеет все шансы сделать служебную карьеру. Его чувство обостренной справедливости тоже от наших предков из генеалогического древа, живших с честью и верностью.

Всем им я рассказывал о непростой судьбе моей любимой сестры, которая стала для меня символом женственности и обаяния. Хочется верить, что черты ее характера передались ее внукам, но при всем этом они будут более счастливы.

05.03.2014 г.

Подольский Анатолий Анатольевич
Никольск – Оренбург – Йошкар-Ола